

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI: 10.17805/zpu.2023.1.8

Социальные и личностные последствия кардинальных изменений в российском обществе

А. И. КОВАЛЕВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается проблема социального изменения, являющаяся актуальной на всех этапах развития социологии. Анализируются социальные и личностные последствия кардинальных изменений в российском обществе конца XX в. Автор рассматривает позиции социологов в отношении оценки характера социальных перемен, останавливается на их последствиях, вызвавших структурные и институциональные трансформации. Особое внимание уделяется социальным последствиям в функционировании такого важнейшего социального института, как система образования, интегрирующая и координирующая множество социальных действий индивидов. Показано, что социальные изменения затрагивают прежде всего людей. Они сказываются на самом человеке как личности, как субъекте и объекте социальных изменений.

Ключевые слова: общество; социальное изменение; последствия социальных изменений; социальная структура; социальное неравенство; социальная мобильность; система образования; кризис социальной идентичности

ВВЕДЕНИЕ

В проблемном поле социологии изначально определялись состояние и динамика функционирования общества. Именно статику и динамику общества видел главными категориями новой науки родоначальник социологии Отгуст Конт в своем позитивистском учении (Давыдов, 1997). Основываясь на исследовании законов исторического развития, Конт обращался к социальной статике, предпринимая, во-первых, анатомический анализ структуры общества на конкретный момент его функционирования, во-вторых, исследуя составляющие общество элементы, которые обеспечивают основной порядок любого общества и общественный консенсус. Социальная динамика, по Конту, служит выявлению последовательных этапов постижения порядка и прогресса, изменений и развития (Конт, 2003).

Со времен Просвещения отечественные мыслители убеждались в единстве всемирно-исторического процесса. Прослеживая факты социальной истории на примере различных обществ, российские ученые подчеркивали важность социологического рассмотрения общественного развития (В. О. Ключевский, К. Н. Тахтарев, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. Я. Данилевский, впоследствии Б. А. Грушин, Л. М. Дробижева, Н. В. Романовский, Н. Т. Кремлев и др.). Так, анализируя вопросы общественного развития в ракурсе исторической социологии, Н. Т. Кремлев показал

роль культуры в социальных изменениях и выделил проблему предвиденных и непредвиденных последствий изменений среды. Он пишет: «Стремясь сделать более удобной, интересной и счастливой свою жизнь, люди перманентно стихийно осуществляют прогресс, приспособляясь к природной и социальной среде, для чего познают ее и изменяют в своих интересах. И каждое изменение среды вызывает определенные предвиденные и непредвиденные последствия. Все, что повышает производительные силы людей, — нужно и полезно для человечества, все, что тормозит прогресс, неся разрушение культуры и гибель, рано или поздно неминуемо будет отвергнуто. Можно разрушить конкретную культуру и погубить конкретное общество, но то, что возможно в одной стране, то невозможно по отношению ко всему человечеству» (Кремлев, 2016: 11).

Как мы уже отмечали, интерес к проблеме социальных изменений не угасает в социологии в течение всего периода ее функционирования как науки. В XIX — начале XX в. социологи пытались объяснить последствия масштабных преобразований в различных странах, связанные с индустриализацией (социальная статика и социальная динамика О. Конта, теория классов и классовой борьбы К. Маркса, теория аномии Э. Дюркгейма, теория рациональности М. Вебера, социология российской революции П. Сорокина и др.). В XX в. трудности объяснений социальных последствий социальных изменений в российском обществе существенно возросли. Мир был потрясен социальными истоками и последствиями революции в России, а также истоками и последствиями Первой и Второй мировых войн. Начало XXI в. также сопровождается масштабными социальными переменами, носящими многосторонний характер, затрагивающими практически все сферы жизнедеятельности российского общества и каждого человека (Ковалева, 2019а: 52). Полтора века лидирующие в интерпретации социальных изменений идеи эволюционизма и социальной революции, прогресса и регресса, цикличности и другие сегодня подвергаются резкой критике и не находят полноценной и достойной замены в обоснованных объяснениях трансформаций современных обществ.

Социолог В. А. Ядов предпринял попытку анализа теоретических подходов западных социологов к концептуальному объяснению перехода бывших стран социалистического содружества к совершенно новому социально-экономическому и политическому устройству по образцу западных стран. Среди обсуждаемых подходов были следующие варианты определений «посткоммунистических» трансформаций. Во-первых, предложенное бывшими советологами определение таких радикальных перемен как транзита. Это определение использовалось недолго. В 2002 г. транзитологи (бывшие советологи) отказались от такого понимания (исключение составил З. Бжезинский). Во-вторых, попытка объяснения этих перемен на основе традиционной теории модернизации. Здесь Ядов, будучи участником международных конгрессов, отмечал сомнения западных исследователей относительно возможностей этой теории по объяснению радикальной трансформации социетальной системы в иную без революции. Эти сомнения усиливали обнаружение множества парадоксов и несоответствий. В-третьих, концепции посткоммунистических трансформаций (Р. Дарендорф о проблеме «перехода» прошлого в настоящее; теория «динамического хаоса» И. Пригожина; теория культурной травмы П. Штомпки; системная концепция трансформации Т. И. Заславской) (Ядов, 2009: 86–98). Можно заметить, что социологи ведут поиск более точных объяснений социальных изменений, происходящих в современных обществах.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕМЕН В РОССИИ

Разрушение Советского Союза стоит признать и самым значительным социальным потрясением для всех союзных республик СССР, которые не обладали пониманием происходящего и не имели готовности к совершению обдуманных и обоснованных социальных действий по обеспечению дальнейшего нормального, предсказуемого и управляемого процесса функционирования новых обществ и новых государств, образовавшихся в бывших союзных республиках СССР.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «...следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории»¹.

Тяжелым социальным последствием разрушения СССР стали кардинальные перемены начала 90-х гг. XX в. в России. Эти перемены, правда с некоторой натяжкой, можно квалифицировать как революционные изменения, коренным образом преобразовавшие практически все стороны общественной жизни. Они были связаны прежде всего с изменением экономических отношений и политического устройства страны. По сути дела, произошел возврат от социалистической к капиталистической общественной формации (в понимании формации К. Марксом и Ф. Энгельсом и в противоречии их утверждению о последовательной смене общественных формаций). Перемены носили системный характер, так как нарушили относительно стабильное состояние самого общества как социальной системы, как целостности, затронули все уровни и подсистемы общества, все сферы жизнедеятельности людей, сказались на ослаблении интенсивности и многообразия общественных отношений.

Известный российский социолог Ж. Т. Тощенко, отвечая на вопрос о характере социальных изменений в России в начале 90-х гг., подчеркивает, что они сродни катастрофе и не укладываются в ранее используемые понятия (Тощенко, 2020). Вслед за польским социологом П. Штомпкой, обосновавшем идею о травме социальных изменений, согласно которой сама по себе изменчивость может подрывать нормальный ход общественной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние своеобразной травмы, и рассмотревшем травму перемен на примере ряда стран (Штомпка, 2005), Тощенко, соглашаясь в основном с объяснениями понятия Штомпкой, предлагает иной подход. Тощенко считает, что «при трактовке поступательного хода истории с позиций двух основных путей — “революция” и “эволюция” — все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных процессов и событий — нужно использовать понятие “травма” как своеобразный промежуточный этап между двумя названными путями» (Тощенко, 2015:49).

Он определяет травму общества как «длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы» (Тощенко, 2020: 331). Он пришел к выводу, что «Россия

представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки» (Тощенко, 2015: 50). В нем общественное сознание и поведение не только расколото, противоречиво, но и парадоксально. Тощенко проанализировал такие уникальные проявления парадоксов, как кентавризм и один из особых их вариантов — фантомы, носителям которых присущи гипертрофированные социальные качества (там же).

Последствием перемен в России стали экономический, политический и демографический кризисы. Экономический кризис отражал разрушение общего для страны экономического пространства и проявлялся в падении производства, разрушении экономических связей, закрытии предприятий, безработице, росте цен, гиперинфляции, снижении уровня жизни населения и т. д. Политический кризис стал результатом разрушения политической системы общества, изменения геополитической ситуации, ослабления обороноспособности, усиления политической напряженности, упадка правопорядка, роста национальной напряженности, ухудшения положения русского и русскоязычного населения в бывших союзных республиках СССР и др. Демографический кризис проявлялся прежде всего в сокращении воспроизводства населения, росте смертности, снижении рождаемости и средней продолжительности жизни населения страны, расширении миграционных потоков и многом другом.

Остановимся подробнее на социальных последствиях кардинальных перемен, затронувших структурные и институциональные изменения. Как известно, социальная структура общества отражает его строение как системы социальных связей и отношений больших и малых групп людей. Эта структура — сложное, относительно устойчивое, но динамичное образование. Она связывает взаимодействующих индивидов в процессе их жизнедеятельности и выполнения различных социальных функций на основе идеалов, ценностей и норм данного общества, с учетом занимаемых индивидами социальных позиций.

Трансформацию социальной структуры как несущей конструкции общества М. К. Горшков называет важнейшим социальным изменением в России. Этот вывод сделан по итогам изучения и осмысления пореформенного состояния российского общества и его дифференцированности на основе результатов девяти волн общероссийского социологического мониторинга 2014–2018 гг. «Как показывают многолетние исследования ИС ФНИСЦ РАН (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. — А. К.), еще никогда оно (российское общество. — А. К.) не было так сегментировано и разнородно, как это произошло после четверти века социальных трансформаций. Разнородность наблюдается практически по всем ключевым основаниям (критериям): уровень материальной обеспеченности, социальная стратификация, группы интересов, мировоззренческие и идейно-политические ориентиры, ценностные и смысложизненные установки, позиционирование себя вне личностного и семейного пространства, психоэмоциональное состояние, культурные предпочтения, образ жизни и отношение к национально-историческим традициям в разных типах поселений (от мегаполисов до сельской местности) и др. Плюс это или минус для поступательного развития общества? С диалектических позиций, безусловно, плюс, поскольку разнообразие является одним из источников и движущих сил развития. Другой вопрос: как подобная фрагментация общества должна учитываться при разработке моделей его социально-экономического развития, совершенствовании институтов и механизмов управления и учитывается ли она в настоящее время?» (Горшков, 2019: 13).

Структурные изменения затронули в первую очередь социально-классовую структуру общества. Произошло разрушение сложившейся в советский период социально-классовой структуры, в которой отмечалась тенденция к ослаблению некоторых различий и формированию социальной однородности общества. Это стало одним из самых ощутимых социальных последствий кардинальных перемен в российском обществе. Его социальная стратификация стала отражением усугубляющегося социального неравенства с неустойчивым вектором поляризации и расслоения, усиления противоречий между богатыми и бедными. Исследователи социального неравенства отмечают колебания децильного коэффициента в России от 13 до 17 единиц за период с 1995 по 2021 г. (Мареева, Слободенюк, 2021). Известно, что этот коэффициент определяется как отношение дохода 10% самых богатых к доходу 10% самых бедных и при значении более 10 свидетельствует о таком неравенстве доходов, которое может привести к социальной напряженности и протестному поведению граждан.

Кроме того, социальным последствием перемен стали структурные изменения не только общества в целом как социальной системы, но и его подсистем как макроинститутов или сфер общества (экономика, политика, культура и т. д.), а также институциональные, организационные, процессуальные, функциональные, личностные и другие изменения. Например, структурные изменения в экономике затронули практически все ее институты и организации. На эти перемены наложились общецивилизационные изменения в экономике, связанные с общей тенденцией изменений соотношения ее сфер. Так, теоретики позднего индустриального общества, анализируя статистику занятых в экономике, показывают существенное уменьшение доли работников, производящих сельскохозяйственную продукцию, значительное уменьшение количества занятых производством материальных благ и увеличение числа работников, производящих услуги. Хотя эти доли занятых работников различаются по странам (Raschke, 1985: 93–104).

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН

Стоит выделить особо социальные последствия в функционировании такого важнейшего социального института, как система образования, интегрирующая и координирующая множество социальных действий индивидов, упорядочивающая социальные связи и отношения. Кардинальные изменения государства и общества привели к утрате важнейших достижений советского общества, связанных с реализацией таких основных принципов образования, как его всеобщность, бесплатность и фундаментальность. Вектор реформ российского образования находился под влиянием общемировых процессов глобализации, а также идеи о создании единого европейского образовательного пространства. Присоединение России к Болонскому процессу (2003 г.) объявлялось единственно верной стратегией развития высшего образования. Хотя в дискуссиях прежних лет о реформировании российского образования и о введении уровневой системы подготовки ряд авторитетных руководителей вузов показали, что российская система образования должна развиваться по иной стратегии (Ильинский, 2002; Ильинский, 2016; Плаксий, 2014). В своей книге «Образовательная революция» И. М. Ильинский предложил изменить существующую концепцию мирового развития и выработать новую парадигму образования. Считая необходимой образовательную революцию, он изложил суть кардинального преобразования образо-

вания в XXI в. и обосновал новый подход к его исторической миссии, его общественной и культурной функции. «Подлинное образование должно служить формированию всестороннего и глубокого взгляда на мир, понимания смыслов и сущностей фундаментальных основ и процессов. *Действительно образованный человек* — тот, кто приобщился к единству всех областей знаний и взаимоотношениям между ними, который видит и понимает картину мира в целом, а не только ее фрагменты» (Ильинский, 2002: 230; курсив источника. — А. К.). Позиция и предложения Ильинского относительно происходящей в нашей стране образовательной реформы неоднократно излагались на заседаниях органов российской власти и в публикациях. Но в реализации конкретных действий по управлению системой образования, как правило, побеждали другие ориентиры, которые соответствовали насаждаемым западным моделям образования.

Реформирование российской системы образования по «рекомендованному» Западом сценарию было связано с условиями предоставления России международных кредитов. Внедряемый в России в течение многих лет «Инновационный проект образования» предусматривал дистанцирование государства от института образования и его коммерциализацию. «Основные принципы советского образования (всеобщность, бесплатность и фундаментальность) трактовались как нерентабельные. Фундаментальность признавалась излишней» (Орлова, 2017:7). При этом уникальные черты российской системы образования, складывавшиеся на протяжении 300 лет, практически не учитывались в процессе реформирования.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в ст. 43 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., указывается, что каждый имеет право на образование. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования. Вместе с Конституцией РФ Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2013 г., закрепляет принципы государственной политики и правового регулирования в сфере образования, среди которых признание приоритетности образования; обеспечение права каждого человека на образование; единство федерального образовательного пространства; светский характер образования; обеспечение права на образование в течение всей жизни и др.² Но в реальной жизни российская система образования далека от декларируемых в законах принципов. По сути дела, в ней проявились следующие социальные последствия кардинальных преобразований: разрушение на территории России признанной лучшей в мире советской системы образования; деградация системы образования; развал единства российского образовательного пространства; ликвидация традиций и воспитательной функции отечественного образования; обезличивание образовательного процесса, определение образования как сферы услуг, обучающегося — как потребителя образовательных услуг, а преподавателя — как работника сферы образовательных услуг; утрата качества образования при постоянных изменениях правил, стандартов, программ, планов, компетенций, введении количественных показателей воспитательной работы, усилении формализации всех сторон деятельности, что отрицательно сказывается на результативности системы образования в целом.

По мнению отечественных ученых, система образования не справляется с задачей подготовки квалифицированных кадров, способных отвечать на серьезные вызовы современности. России «нужны новые люди, отстаивающие смыслы и ценности на-

шей цивилизации. Их и должна была бы готовить система образования и воспитания» (Малинецкий, Новикова, 2022: 39). Малинецкий обозначил принципиальную позицию в отношении мер, необходимых для исправления нынешней ситуации в системе образования. Среди обоснованных им предложений следующие: формирование в России единого образовательного пространства и возвращение к единой общеобразовательной политехнической школе; изменение роли учителя в обществе, расширение его возможностей и полномочий; переход от личностно-ориентированного к предметноцентричному обучению; максимальное сокращение дистанционного и цифрового образования; отказ от ЕГЭ и др. (Малинецкий, 2021).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Особая ситуация социальных последствий кардинальных перемен в России сложилась в сфере культуры. Социологи называют источниками культурных изменений: 1) изобретательство как процесс создания новых элементов; 2) научные открытия как новое достижение в познании закономерностей, свойств и явлений материального мира и 3) культурную диффузию как распространение продукции или информации из одной культуры в другую. Учитывается также, что некоторые элементы культуры изменяются быстрее других. Например, материальная культура как совокупность материальной деятельности людей (вещный мир) изменяется гораздо быстрее, чем элементы духовной культуры (Масионис, 2004). Хотя этому можно и возразить, так как знания о созидании нового элемента материальной культуры предшествуют его появлению как вещи. Так, на наших глазах произошли существенные изменения в технике и технологиях (космические корабли, атомные подводные лодки, средства массовой коммуникации, мобильные телефоны, компьютер, Интернет и т. д.).

Такие изменения относятся к развитию общества вследствие научно-технического прогресса и его информатизации, а не к интересующим нас кардинальным общественным переменам вследствие разрушения СССР. В этом плане важно отметить угасание тех социокультурных процессов, которые отражали общественные идеалы Советской страны, ее систему ценностно-нормативной регуляции, ценностные ориентации и высокую интернализацию традиционной отечественной культуры. Это означает принятие в России социальных ценностей и правовых норм, идеалов и образцов поведения, соответствующих новому обществу и противоположных прежнему. Но какие это идеалы, ценности и нормы — четко не определялось длительное время. И несмотря на значительные продвижения в правовой сфере, остаются размытым общественный идеал и противоречивыми декларируемые ценности. С начала 90-х гг. XX в. в российском обществе распространялись культурная дезорганизация и дезориентация, в условиях которых люди ориентировались на полярно отличающиеся культурные образцы, практически противоположные друг другу.

На основе обобщения данных многолетних социологических исследований М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров и О. И. Карпухин пишут в своей монографии: «Исконная российская культура в 90-е гг. оказалась оттеснена на обочину, загнана в “архивное гетто”. При этом была утрачена сущностная черта любой подлинной культуры — независимо от ее национального варианта — способность оценивать происходящее по критериям культуры, т. е. с точки зрения того, в какой степени реальность способствует очеловечиванию человека» (Горшков, Комиссаров, Карпухин, 2022: 188). Авторы отмечают также дефекты исторического видения, исчезновение векторности

настоящего, долгое время определявшего мироощущение советских людей; утверждают, что «нарушился относительный баланс очевидных культурно-исторических различий разных периодов в развитии страны и внутренней неразрывности прошлого, настоящего и будущего, которые и образуют социокультурную целостность» (там же). Авторы приводят данные репрезентативных исследований о социокультурной поляризации общества, реальном противоречии между традиционной и модернистской культурой в России. Вместе с тем, говоря о российской цивилизации, определяя сущность российского мира в отечественной культуре, они подчеркивают: «...никакие политические потрясения или экономические трудности не могут изменить сущностную природу создателей и носителей этой цивилизации, закодированную в культуре. Она самовоспроизводится в новых исторических обстоятельствах на всем пространстве страны, меняющей названия, формы правления и экономической строй, вождей и героев» (там же: 664).

ЛИЧНОСТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Социальные изменения затрагивают прежде всего людей. Они сказываются на самом человеке как личности, как субъекте и объекте социальных изменений. Их позитивные и негативные последствия обнаруживаются как явно, так и неявно, постепенно, возможно, и независимо от самого человека и его окружения.

Личностные последствия социальных изменений связаны с такими проявлениями, как: 1) утрата прежнего социального статуса, переживаемая многими советскими людьми; 2) кризисы социальной идентичности; 3) вынужденная социальная мобильность; 4) размытость общественного идеала; 5) динамика социализационной нормы, ослабление целенаправленных сегментов социализации и воспитательных функций образовательных учреждений, расширение масштабов принудительной, преждевременной отклоняющейся социализации, ресоциализации и десоциализации.

Утрата человеком прежнего социального статуса отражала изменения социально-классовой структуры общества и принуждала человека адаптироваться к изменениям социальной и профессиональной среды, к вынужденному поиску своего иного социального положения, самоутверждения в реализации иных трудовых функций и выполнении других социальных ролей.

В период перемен социальные перемещения россиян носили различный характер и имели разную направленность. Вертикальная и горизонтальная мобильности получили новые проявления. Повышение их интенсивности носило преимущественно нисходящий характер. Социальные перемещения из добровольных чаще стали вынужденными. Изменились каналы социальной мобильности. В частности, усилились экономические мотивы вступления в брак, трудовая миграция, бизнес, предпринимательство и т.д. Нередко внешние для людей обстоятельства сказывались на их нисходящей социальной мобильности. Например, падение доходов преподавателей вузов, средних специальных учебных заведений и школ, научных работников, работников системы здравоохранения и культурной сферы длительное время определяло низкий уровень жизни их семей, сказывалось на престиже профессий сферы образования, культуры, науки, социальной сферы.

Социальные перемены сказались на процессах социальной идентификации (Ковалева, 2016), которые, как правило, связаны с ведущими социальными институтами (семья, школа, экономика и др.), разрушение или резкое изменение которых приво-

дит к массовой утрате идентификации. Так, трансформация социальных институтов, разрушение их структур в первой половине 1990-х гг. привели к утрате идентификации миллионов людей. Например, ликвидация КПСС привела к утрате идентификации многих людей, для которых она играла важную роль в осознании своей идентичности или выступала идентификационным ориентиром. Перемены повлекли за собой массовую дезориентацию, утрату идентификации на индивидуальном и групповом уровнях, а также на уровне общества в целом. Российское общество утратило свою идентичность как конкретный общественно-исторический организм. Появились угрозы насаждения чужих ценностей из-за рубежа. Распространенным явлением в условиях кардинальных перемен в обществе остается утраченная идентичность как особое состояние индивида, связанное с осознанием утраты своего прежнего социального положения, соответствующих ему статусов и социальных ролей, потерей прежних социальных достижений и престижа. К факторам утраты прежней социальной идентичности в данном случае можно отнести, во-первых, объективные обстоятельства, связанные с распадом социальной структуры и индивидуальных биографий, потерей близких, во-вторых, личные обстоятельства (асоциальное или антисоциальное поведение, смена идентификационных ориентиров, болезнь) (Ковалева, 2022).

В преодолении кризисов социальной идентичности индивида как его критического состояния в связи с осознанием несоответствия желаемой идентичности уместно вспомнить предложенную Э. Гидденсом трактовку самоидентичности как биографического повествования. «Это “Я”, понимаемое личностью в категориях биографии» (Giddens, 2001: 75).

В современном российском обществе сложились иные системы гражданской, национальной, статусной, профессиональной и других идентичностей (Ковалева, 2019b). Каждое общество, транслируя индивидам социальные нормы и культурные ценности с помощью различных институтов и агентов социализации, достигает определенного порога социальной идентичности членов общества как уровня их схожести, достаточного для воспроизводства данного общества, которое предопределяет меру подобия индивидов и предоставляет широту вариативности выбора, чтобы индивид мог быть как все, как некоторые и как никто другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая предпринятый анализ социальных и личностных последствий кардинальных перемен в России, представляется важным заметить, что предварительное описание таких последствий было бы практически невозможно. Можно высказать лишь отдельные суждения о возможных результатах предпринимаемых социально-политических действий, затрагивающих целое общество. Прошедшие десятилетия в определенной мере позволяют описать уровни, структуру, характер, содержание последствий, найти адекватные оценки происходящего. Основные последствия кардинальных перемен в России видятся в столкновении отечественной культуры с насаждаемой многие годы западной системой ценностей, в расширении масштабов социальной аномии, личностной культурной дезориентации, кризисах социальной идентичности.

Заметим, что социальные и личностные последствия сами по себе являются не статичными, а динамичными образованиями, как и все социальное. Они, относясь к человеку, социальным общностям и социальным группам, социальным институтам

и организациям, различным сферам общества и самому обществу, в свою очередь, вызывают новые социальные изменения, несущие травмы, кризисы, регресс или прогресс, консолидацию и развитие, оставляя отсроченные в своих проявлениях новые социальные и личностные последствия.

Проблема социальных и личностных последствий кардинальных перемен в России представляется актуальной для дальнейших социологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354> (дата обращения: 20.12.2022).

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горшков, М. К. (2019) О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2

Горшков, М. К., Комиссаров, С. Н., Карпухин, О. И. (2022) На переломе веков: социодинамика российской культуры. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с.

Давыдов, Ю. Н. (1997) От социальной утопии к социологической науке: А. Сен-Симон и О. Конт // История теоретической социологии. В 5 т. Т. 2. Социология XIX века (Профессионализация социологического знания). М. : ИПЧ «Издательство Магистр». С. 83–85.

Ильинский, И. М. (2002) Образовательная революция. М. : Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии. 592 с.

Ильинский, И. М. (2016) О «правильном образовании» для России XXI века // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 5–31. DOI: 10.17805/zpu.2016.3.1

Ковалева, А. И. (2016) Идентификация социальная молодежи // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 303–306. DOI <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.4.25>

Ковалева, А. И. (2017) Проблемы социализации личности студента в вузе // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 48–62.

Ковалева, А. И. (2019а) Мировая система и процессы глобализации: методологические вопросы в свете тезаурусного подхода [Электронный ресурс] // Тезаурусы и проблемы культуры: III Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова — Общероссийская (национальная) научная конференция (с международным участием). Доклады и материалы. 4 апреля 2019 г. / редкол.: Вал. А. Луков (отв. ред.), Н. В. Захаров, А. В. Костина, Т. Ф. Кузнецова, Ч. К. Ламажаа, В. П. Трыков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 400 с. С. 52–59 // Сайт Московского гуманитарного университета. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2019/Tezaurusy-i-problemy-kultury.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).

Ковалева, А. И. (2019b) Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 89–103. DOI: 10.17805/zpu.2019.4.7

Ковалева, А. И. (2022) Социализация личности: норма и отклонение. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 444 с.

Конт, О. (2003) Основные законы социальной динамики или общая теория естественного прогресса человечества // Зомбарт, В. Социология. 2-е изд. М. : УРСС. 144 с. С. 15–30.

Кремлев, Н. Т. (2016) Историческая социология. Вопросы теории общественного развития. М. : ЦСПИМ. 654 с.

Луков, В. А., Луков, С. В. (2020) Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 1. С. 3–20. DOI: 10.17805/ggz.2020.1.1 URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1159> (дата обращения 20.12.2022).

Малинецкий, Г. Г. (2021) Образовательный вызов России // Высшее образование для XXI века: Ответы на глобальные вызовы: XVII Международная научная конференция, МосГУ, 25–27 ноября 2021 г. : доклады и материалы / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 257 с. С. 16–25.

Малинецкий, Г. Г., Новикова Г. В. (2022). Образовательный вызов России // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 32–51. DOI: 10.17805/zpu.2022.1.3

Мареева, С. В., Слободенюк, Е. Д. (2021) Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности: аналитический доклад. М. : НИУ ВШЭ. 28 с.

Масионис, Дж. (2004) Социология. 9-е изд. СПб. : Питер. 752 с.

Орлова, И. Б. (2017) Реформирование системы российского образования в оценке университетского сообщества // Alma mater (Вестник высшей школы). №1. С. 6–10.

Плакий, С. И. (2014) Высшее образование: вызовы и ответы. М. : Нац. ин-т бизнеса. 604 с.

Тощенко, Ж. Т. (2015) Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Тощенко, Ж. Т. (2020) Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь мир. 352 с.

Штомпка, П. (2005) Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. М. : Логос. С. 472–491.

Ядов, В. А. (2009) Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций для студентов магистратуры по социологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Интерсоцис. 138 с.

Giddens, A. (2001) Nowoczesność i tożsamość: «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności. Warszawa : Wyd. Naukowe PWN. 322 s.

Raschke, J (1985) Soziale Bewegungen: Ein historisch-systematischer Grundriss. Frankfurt/Main ; N. Y. : Campus Verlag. 501 s.

Дата поступления: 25.12.2022 г.

SOCIAL AND PERSONAL CONSEQUENCES
OF THE SIGNIFICANT CHANGES IN RUSSIAN SOCIETY

A. I. KOVALEVA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper considers the issue of social transformation, which has been urgent at all stages of the development of sociology. Social and personal consequences of the significant changes in Russian society in the 20th century are analysed. The author examines social scientists' viewpoints on the assessment of the nature of social changes; focuses on their consequences that caused structural and institutional transformations. Special attention is paid to the social consequences in the functioning of education system — a most important social institute, which integrates and coordinates multiple social actions of individuals. It is demonstrated that social changes affect people in the first place. They affect the person themselves as an individual, as the subject and object of social changes.

Keywords: society; social change; consequences of social changes; social structure; social inequality; social mobility; education system; crisis of social identity

REFERENCES

Gorshkov, M. K. (2019) O sotsial'nykh rezul'tatakh postsovetских transformatsii. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2 (In Russ.).

Gorshkov, M. K., Komissarov, S. N. and Karpukhin, O. I. (2022) *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiiskoi kul'tury*. Moscow, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 703 p. (In Russ.).

Davydov, Iu. N. (1997) Ot sotsial'noi utopii k sotsiologicheskoi nauke: A. Sen-Simon i O. Kont. In: *Istoriia teoreticheskoi sotsiologii*. In 5 vols. Vol. 2. Sotsiologiya XIX veka (Professionalizatsiia sotsiologicheskogo znaniia). Moscow, Magistr. Pp. 83–85. (In Russ.).

- Il'inskii, I. M. (2002) *Obrazovatel'naia revoliutsiia*. Moscow, Moscow Humanitarian and Social Academy. 592 p. (In Russ.).
- Il'inskii, I. M. (2016) О «pravil'nom obrazovanii» dlia Rossii XXI veka. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 5–31. DOI: 10.17805/zpu.2016.3.1 (In Russ.).
- Kovaleva, A. I. (2016) Identifikatsiia sotsial'naia molodezhi. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 303–306. DOI <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.4.25> (In Russ.).
- Kovaleva, A. I. (2017) Problemy sotsializatsii lichnosti studenta v vuze. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 48–62. (In Russ.).
- Kovaleva, A. I. (2019a) Mirovaia sistema i protsessy globalizatsii: metodologicheskie voprosy v svete tezaurnogo podkhoda. In: *Tezaurusy i problemy kul'tury: III Akademicheskie chteniia pamiati Vladimira Andreevicha Lukova — Obscherossiiskaia (natsional'naia) nauchnaia konferentsiia (s mezhdunarodnym uchastiem)*. *Doklady i materialy*. April 4, 2019 / ed. by Val. A. Lukov, N. V. Zakharov, A. V. Kostina, T. F. Kuznetsova, Ch. K. Lamazhaa and V. P. Trykov. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 400 p. Pp. 52–59. (In Russ.).
- Kovaleva, A. I. (2019b) Raznovidnosti sotsial'noi identichnosti: podkhody k klassifikatsii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 89–103. DOI: 10.17805/zpu.2019.4.7 (In Russ.).
- Kovaleva, A. I. (2022) *Sotsializatsiia lichnosti: norma i otklonenie*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 444 p. (In Russ.).
- Kont, O. (2003) Osnovnye zakony sotsial'noi dinamiki ili obshchaia teoriia estestvennogo progressa chelovechestva. In: Zombart, V. *Sotsiologiya*. 2nd ed. Moscow, URSS. 144 p. Pp. 15–30. (In Russ.).
- Kremlev, N. T. (2016) *Istoricheskaiia sotsiologiya. Voprosy teorii obschestvennogo razvitiia*. Moscow, Center for social forecasting and marketing. 654 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Lukov, S. V. (2020) Sub'ektnost' molodezhi v protsessakh sotsializatsii i in-kul'turatsii [online] *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, no. 1, pp. 3–20. DOI: 10.17805/ggz.2020.1.1 URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1159> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.).
- Malinetskii, G. G. (2021) Obrazovatel'nyi vyzov Rossii. In: *Vysshee obrazovanie dlia XXI veka: Otvet na global'nye vyzovy: XVII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, MosGU, November, 25–27, 2021: doklady i materialy* / ed. by I. M. Il'inskiy. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 257 p. Pp. 16–25. (In Russ.).
- Malinetskii, G. G. and Novikova, G. V. (2022). Obrazovatel'nyi vyzov Rossii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 32–51. DOI: 10.17805/zpu.2022.1.3 (In Russ.).
- Mareeva, S. V. and Slobodeniuk, E. D. (2021) Neravenstvo v Rossii na fone drugikh stran: dokhody, bogatstvo, vozmozhnosti: analiticheskii doklad. Moscow, HSE. 28 p. (In Russ.).
- Masionis, Dzh. (2004) *Sotsiologiya*. 9th ed. Saint-Petersburg, Piter. 752 p. (In Russ.).
- Orlova, I. B. (2017) Reformirovanie sistemy rossiiskogo obrazovaniia v otsenke universitetskogo soobshchestva. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, no. 1, pp. 6–10. (In Russ.).
- Plaksii, S. I. (2014) *Vysshee obrazovanie: vyzovy i otvety*. Moscow, National Institute of Business. 604 p. (In Russ.).
- Toshchenko, Zh. T. (2015) *Fantomy rossiiskogo obschestva*. Moscow, Center for social forecasting and marketing. 668 p. (In Russ.).
- Toshchenko, Zh. T. (2020) *Obschestvo travmy: mezhdru evoliutsiei i revoliutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)*. Moscow, Ves' mir. 352 p. (In Russ.).
- Shtompka, P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obschestva* / transl. from Polish by S. M. Chervonnaya. Moscow, Logos. 664 p. (In Russ.).
- Iadov, V. A. (2009) *Sovremennaia teoreticheskaiia sotsiologiya kak kontseptual'naia baza issledovaniia rossiiskikh transformatsii : kurs lektsii dlia studentov magistratury po sotsiologii*. 2nd ed., corrected and expanded. Saint-Petersburg, Intersotsis. 138 p. (In Russ.).
- Giddens, A. (2001) *Nowoczesność i tożsamość: «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności*. Warszawa, Wyd. Naukowe PWN. 322 p. (In Polish).

Raschke, J (1985) *Soziale Bewegungen: Ein historsch-systematischer Grundriss*. Frankfurt/Main ; N. Y. : Campus Verlag. 501 p. (In German).

Submission date: 25.12.2022.

Ковалева Антонина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (г. Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: akovaleva@mosgu.ru

Kovaleva Antonina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Philosophy, Sociology and Culturology, Moscow University for the Humanities, Member, International Academy of Sciences (Innsbruck, Austria). Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: akovaleva@mosgu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2023.1.9

Патриотизм как модель воспитания и поведения

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается понятие патриотизма как социально-нравственного явления на основе анализа моделей патриотического воспитания и поведения А. С. Пушкина, С. С. Уварова, Л. Штрауса, А. П. Чехова. На примере поведения личности по модели Л. Штрауса и по модели А. П. Чехова показаны особенности проявления патриотизма как определенного типа личности. При этом отмечена мировоззренческая база чеховской модели, включающая западноевропейскую философию и русскую философию. Патриотизм современной российской молодежи измеряется практикой ее поведения, которая рассмотрена на основе типов личности, свойственных молодежи 20-х гг. XXI в. и исследованных М. К. Горшковым, Ф. Э. Шереги и Ю. А. Зубок. Доказывается, что воспитание патриотизма неразрывно связано с процессом социализации личности, приобщения ее к определенному образу жизни, культуре предыдущих поколений, в которой значительную роль играет история и русская классическая литература, вовлеченности личности в действия государственного и общественного значения. Особо рассматривается метод воспитания патриотизма у выпускников высшей школы, связанный со стандартами обучения.

Ключевые слова: патриотизм; патриотическая модель воспитания и поведения; критерии патриотической модели поведения; патриотический тип личности; патриотизм и история; патриотизм и русская литература

ПАТРИОТИЗМ:

ПОНЯТИЕ И МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Будем исходить из того, что патриотизм как некое нравственно-социальное чувство человека в отношении народа, Отечества, истории, предполагаемого будущего является жизнеориентирующей ценностью. Патриотизм — это ценность, которая определяет поведение человека, влияющее на его творческие силы, творческую силу организации, в рамках которой он действует и реализует свой интел-